

ИЗ БЕРЛИНА они направились в Висбаден, откуда Есенин написал Шнейдеру:

«Милый Илья Ильич!

Привет вам и целование. Простите, что так долго не писал вам, берлинская атмосфера меня издергала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ноги. Лечусь в Висбадене. Пить перестал и начинай работать.

Если бы Изадора не была сумасбродной и дала мне возможность где-нибудь пристесь, я очень много бы заработал денег. Пока получил только сто тысяч с лишним марок, между тем, в перспективе около 400. У Изадоры дела ужасны. В Берлине адвокат дом ее продал и заплатил ей всего 90 тыс. марок. Такая же история может получиться и в Париже. Имущество ее: библиотека и мебель расхищены. На деньги в банке наложен арест. Сейчас туда она отправила спешно одного из близких человека. Знаменитый Поль Бонкур не только в чем-нибудь помог ей, но даже отказался дать подпись для визы в Париж. Таковы ее де-

настолько неподражаема, что воспроизвести ее на другом языке не удастся никогда. Даже по русскому его стихотворение, прочитанное со сцены, казалось гораздо более притягательным, чем те же строки, но сошедшие с книжных страниц. И вот этот чистый родник мне предстояло замутить...

Однажды я поинтересовалась, почему он так стремится перевести свои стихи именно на английский.

«Разве не понятно, — ответил Есенин, искренне удивленный моим вопросом, — сколько миллионов узнают меня, если стихи выйдут на английском? Сколько людей прочитают меня на русском? Двадцать миллионов, может, тридцать... Все наши крестьяне безграмотны... Но на английском!». Он развел руки, глаза его блестели.

Фредрика БЛЕЙР АЙСЕДОРА

ла. Она же как ни в чем не бывало скачет на автомобиле то в Любек, то в Лейпциг, то во Франкфурт, то в Веймар. Я следую с молчаливой покорностью, потому что при каждом моем несогласии — истерики.

...Ради бога, отыщите мою сестру через магазин (оставьте ей письмо) и усторите ей получить деньги по этому чеку в АРА, она, вероятно, очень нуждается. Чек для Ирмы только пробный. Когда узнаем, что вы получили его, тогда Изадора пошлет столько, сколько надо. Если сестры моей нет в Москве, то напишите ей письмо и передайте Мариенгофу — пусть отошлет его ей. Кроме того, когда вы поедете в Лондон, вы позовите ее к себе и запишите ее точный адрес, по которому можно было бы выслать ей деньги, без которых она погибнет.

...О берлинских друзьях я мог бы сообщить очень замечательное (особенно о некоторых доносах во французскую полицию, чтобы я не попал в Париж. Но все это после, сейчас жаль нервов):

Жму вашу руку.

До скорого свидания, любящий вас Есенин.

Ирме мой пожайший привет.

Изадора вышла за меня замуж второй раз и теперь уже не Дункан-Есенина, а просто Есенина».

СУПРУГИ затруднялись общаться без переводчика, а Шнейдер все никак не приезжал. Поэтому в Висбадене они пригласили молоденькую помощницу Лолу Кинель, владеющую как русским, так и английским языками.

В книге своих воспоминаний «Это меня касается» Кинель рассказывает о первой встрече со своими подопечными, произошедшей в гостинице:

«Полная, средних лет женщина, в оранжево-розовом халатике, изящно раскинувшись, полулежала на кушетке... Когда через минуту она поднялась и начала передвигаться по комнате, я увидела, что полнота и возраст отступили: она стала прекрасной с ее врожденной изумительной грацией. Это была Айседора. Спустя некоторое время из спальни вышел молодой мужчина в белой шелковой пижаме. Он походил на русского танцора, из американского водевиля: светло-золотые вьющиеся волосы, доверчивые глаза васильковой голубизны и уверенные движения крепкого, мускулистого тела. Так я познакомилась с Есениным. Позже я узнала, что он не всегда выглядел таким простодушным. Обладая природным умом, он временами оставлял впечатление человека хитрого и подозрительного. И еще Есенин был очень чувствительным, совсем как ребенок, озорной и злокомплексованный — поэт и крестьянин в одном лице».

Поскольку ни жена, ни муж в свое время не изучили того языка, который бы теперь мог стать средством их общения, но воиспеченная помощница сразу оказалась посвященной во все тайны интимной жизни обоих супружеских.

Есенин, обрадованный возможностью поговорить по-русски хоть с кем-нибудь, тут же стал рассказывать мисс Кинель о своем детстве и первых литературных опытах.

Это был тот вдохновенный, беззащитный человек, которого Айседора любила и оберегала и которого сам Есенин надежно прятал под непроницаемой оболочкой своего второго «Я»: «...обычный Есенин, вкрадчивый, уклончивый, скрытный, с лукавыми глазами, разыгрывающий из себя дурачка». Довольный, что Лолу Кинель до слез звонковали прочитанные им стихи, Сергей попросил перевести их на английский.

«Я не тешала себя надеждой... Зато смутилась и сильно испугалась. Ведь выполнить его просьбу было так же невозможно, как и кощунственно. Поэзия Есенина глубоко лирична: это музыка, выраженная языком русских слов и русской фонетики,

Книга американской журналистки Фредрики Блейр «Айседора» была издана в 1986-м году в Нью-Йорке. Как выяснилось после консультации в Библиотеке иностранной литературы и Всесоюзном есенинском обществе «Радуница» (председатель Николай Юсов), в Советском Союзе она прежде не издавалась. Уникальное исследование Фредрики Блейр, содержащее ряд новых сведений, затрагивает трагическую тему Сергея Есенина — Айседоры Дункан.

Сергей страстно мечтал добиться всеобщего признания на Западе. Он, знавший себе цену, даже в России ревностно относившийся к своей славе, теперь бессновался, чувствуя, что его воспринимают как молодого мужа Айседоры, ее последний киприз.

Как-то, обращаясь к Айседоре, он попросил Лолу Кинель перевести:

«Балерина никогда не сможет стать настоящему великой, потому что ее слава умирает вместе с ней». — «Нет», — сказала Айседора, — ведь балерина, если она действительно гениальна, дает людям нечто такое, что остается с ними надолго. Они никогда не забудут ее искусство, заставляющее путь не всегда осознанно, но все-таки по-новому взглянуть на вещи».

«Ты всегда лишь танцовщица. Правда, люди приходят и восхищаются тобой — даже кричат от восторга. Но правда и в том, что после смерти Айседоры Дункан никто о ней не вспомнит. Через несколько лет от твоей громкой славы не останется и следа... нет, Изадора».

Есенин говорил по-русски, и только последние два слова, брошенные Айседоре в лицо, произнес на английский манер, сопроводив их очень выразительным, насыщенным жестом, как будто развеял по ветру останки ее бренного тела.

«Вот поэты не умирают», — продолжал он, улыбаясь. — Я, Есенин, оставил после себя стихи. И они не забудутся. Такие стихи бессмертны».

Было ясно, что он хочет подразнить Айседору. Но даже за насмешливой интонацией угадывалось поразительное беспердечие. Тень пробежала по лицу Дункан. Внезапно она повернулась ко мне, голос дрогнул:

«Скажи ему, что он ошибается. Скажи ему — он ошибается. Я дарила людям красоту. Я танцевала, отдавая им все самое сокровенное. Это очарование не умрет. Оно сохранится где-нибудь...» Неожиданно на глаза навернулись слезы, и она добавила на ломаном русском: «Красота не умрет».

Но Есенин, вполне удовлетворенный воздействием своих слов на Айседору — в нем часто просыпалось неиздоровое желание побольнее уколоть или признить ее, — был уже сама предупредительность.

Привычным движением он притянул к

себе ее кудрявую голову и похлопал по спине, прошептав игриво: «Эх, Дункан». Айседора улыбнулась. Все было забыто.

Популярность Есенина в России как революционного поэта отнюдь не оградила его от нападок цензуры. Широко улыбаясь, он говорил Кинель:

«Вы знаете, большевики запретили Бога в печати. Они даже издали какой-то указ. Однажды, когда я послал в журнал несколько стихотворений, редактор вернулся с требованием заменить всех Богов другими словами... Представляете? Другими словами?».

Я засмеялась и спросила, что же произошло дальше.

«Я просто прихватил с собой в редакцию ружье и вежливо так подсказал человеку, что пусть, мол, он печатает с Богом, можно даже с Указом. Он не захотел. Тогда я поинтересовался, ясно ли он представляет смысл выражения «кушать рылом землю». Человек представляя, большим любителем русского языка оказался. После этого оставалось только сходить в наборный цех и вернуть Бога на свое место. Что я сделал».

Вошла Айседора. Я вкратце объяснила, о чем разговор. На минуту она задумалась, а затем, к моему удивлению, сказала по-русски:

«Но большевики правы. Не надо Бога. Старо, глупо».

Книга американской журналистки Фредрики Блейр «Айседора» была издана в 1986-м году в Нью-Йорке. Как выяснилось после консультации в Библиотеке иностранной литературы и Всесоюзном есенинском обществе «Радуница» (председатель Николай Юсов), в Советском Союзе она прежде не издавалась. Уникальное исследование Фредрики Блейр, содержащее ряд новых сведений, затрагивает трагическую тему Сергея Есенина — Айседоры Дункан.

Есенин ухмыльнулся и с легкой ironией произнес, словно обращаясь к маленькой девочке, которая изо всех сил старается выглядеть умной и взрослой: «Эх, Изадора! Все ведь от Бога. И поэзия, и даже твои пляски».

«Нет, нет, — с чувством ответила Айседора, уже на английском. — Скажи ему, что два мбих Бога — Красота и Любовь. Других нет. Откуда ты знаешь, что такое Бог? Давным-давно греки знали. Люди слабы, вот и придумывают каждый свой Бог. А других нет. Да и вообще, есть ли что-нибудь вне наших представлений, знаний и размышлений. И ад, и рай — все здесь, на земле».

Стояла она прямо, точно картина, — прекрасная, величественная и грозная. Вдруг протянула руку и, указывая на постель, добавила по-русски с потрясающей силой:

«Вот Бог».

Однажды мисс Кинель не отправила несколько телеграмм Есенина, предназначавшихся Айседоре. Памятку о тяжелом состояния, в котором находился поэт, диктуя свои нездадливые послания, благословленная девушка посыпала это неразумным. Вскоре Айседора сожалением сообщила ей о расторжении договора, поскольку она лишилась доверия Есенина. Дункан говорила с такой печальной покорностью, что Лола Кинель не могла не почувствовать ее.

Супруги покинули Висбаден и проехали через всю Германию (в Веймаре они посетили домик Гете) и дальше в Брюссель и Остенде. Из Брюсселя Есенин писал Шнейдеру:

«...Если бы вы меня сейчас увидели, то вы, вероятно, не поверите своим глазам. Скоро месяц, как я уже не пью. Дал зарок, что не буду пить до октября. Все далось мне через тяжелый неврят и неврастению, но теперь и это кончилось».

...В субботу, 15 июля, мы летим в Париж...

Милый, милый Илья Ильич! Со школой, конечно, в Европе вы произведете фурор.

С нетерпением ждем вашего приезда. Особенно жду я, потому что Изадора ровно ни черта не понимает в практических делах, а мне очень больно смотреть на всю эту свору бандитов, которая окружает ее. Когда приедет, воздух неминуто пропустится.

К нам у меня очень и очень большая просьба: с одними и теми же словами, как и в старых письмах, когда поедете, дайте ради Бога денег моей сестре.

Это моя самая большая просьба. Потому что ей нужно учиться...».

Айседора мечтала совершить гастрольную поездку по Соединенным Штатам с учениками своей школы. И с помощью Сола Юрака даже сделала для этого все необходимые приготовления.

Однако летом из Москвы пришло уведомление о недопустимости выезда маленьких детей из страны Советов. Айседоре пришлось ехать без них. Из Парижа Есенины отправились в Венецию, где остановились в замечательной гостинице «Эксельсиор». Здесь они случайно встретили старого знакомого, русского музыканта Сашу Волченко. Приятель Айседоры, Волченко сначала воспринял его примерно так же, как в свое время Горкий жену поэта.

Но стоило Есенину начать читать стихи, и музыкант, очарованный его поззией и необычайно выразительным голосом, смотрел на Сергея уже совсем другими глазами.

В конце лета Есенины возвратились в Париж. Наконец, в сентябре, настал тот день, когда Айседора, Сергей и их новый секретарь Владимир Ветлугин въшли на палубу корабля «Парис» и отплыли в Нью-Йорк.

Перевод с английского
Валерия МЕШАЛКИНА.